

ДВА ВЯЧЕСЛАВА ПЛЮС НИНА — ПОЛУЧАЕТСЯ ТЕАТР

Мужской разговор корреспондента «Труда» с семейством Невинных

— «Воловы лужки» — наши! — попеременно утверждают Вячеслав Михайлович Невинный (старший) и Вячеслав Вячеславович Невинный (младший), каждый из которых играет в чеховском водевиле «Предложение». Они дурачатся, комикуют, напоминая, что во МХАТе, где оба работают, «не только взлетела на занавес чеховская «Чайка», но и появились первые актерские капустники». «Предложение» сочинил, как известно, остроумный и насмешливый молодой человек по имени Антоша Чехонте — будущий великий Чехов. В основном именно ранние его сценки и рассказы свились в представление «Канитель», где можно увидеть и «Предложение».

Впрочем, и сам «спектакль-концерт», как скромно нарекли его мхатовцы, на основной сцене не идет. Он представляет собой образец того «зрелища на колесах», которое было характерно для до-революционных антреприз: минимум декораций, весьма условные костюмы и почти никакой режиссуры. Кроме той, что подсказывает актерам годами наработанный опыт. «Поймать» Невинных удалось на гастролях: вместе с мужем и сыном в Харьков приехала и Нина Ивановна Гуляева. Пока она за стеной в женской гримерной готовилась к выходу, у нас с В.М. и В.В. Невинными состоялся «мужской разговор».

— Вячеслав Михайлович, неужели и вы были когда-то таким же стройным, как Невинный-младший? Может быть, вы потеряли форму из-за той снеди, что нахваливаете в телевизионной рекламе?

В.М. В рекламу я попал случайно и за качество продукции никакой ответственности не несу. Что же касается утверждения, будто я чуть ли не «отец» театральной рекламы и готов пропагандировать все что угодно, то это выдумка тех «писателей», которые ради красного словца не пожалеют и отца. А по поводу веса... Чем, собственно говоря, плох мой вес? Актер должен иметь бычье здоровье, чтобы справляться с теми нагрузками, которые требует сцена. Наша работа в этом смысле ничем не отличается от той, которой занимаются, скажем, артисты цирка.

Я всем своим коллегам желаю прежде всего здоровья, потому что артисты просто не имеют права болеть. И Слава у нас сразу стал привыкать к той мысли, что актер должен быть постоянно в форме. Мы его честно обо всем предупреждали. Видно, страсть к актерству у нас фамильная, я тоже видел себя в юности только актером. Хотя мои родители никакого отношения к театру не имели. А вот сын с детства был по обе стороны занавеса. Но стал он на этот путь сам, даже не хотел нам с Ниной Ивановной показывать,

что приготовил на экзамен в школе-студии МХАТа.

В.В. Мы, кстати, всей семьей вышли из этого вуза: сначала мама, чуть позже папа, еще позднее, в 1987 году, я, а совсем недавно моя жена Светлана Фролова, которая сейчас играет в Театре В.Маяковского. А с папой у нас даже общий педагог был — Виктор Карлович Молюков. Позднее меня учили партнеры родителей по сцене. Но все равно от рутинной работы это не избавляло, даже наоборот. В результате я так «перестарался», что получил «красный» диплом.

— Вячеслав Михайлович, а у вас никогда не было желания написать мемуары или напутствие сыну как коллеге по профессии? Как написал, скажем, Евгений Павлович Леонов «Письма к сыну».

В.М. Упаси Бог. Литературного дара у меня нет. Просто при случае я сказал бы сыну все, о чем думаю. Да и не привержен я к теории, глаголить истины не умею.

— Как-то не верится, что вам нечем поделиться с читателями. Про Невинного-старшего в театральном мире ходят легенды: неистощимый выдумщик, хохмач, реплики передаются из уст в уста... Хотя бы одну можно услышать?

В.В. Да отец — сам ходячая хохма. Даже близким бывает трудно отделать, что из рассказов о нем правда, а что — нет. Он человек очень веселый, и шутки у него смешные. Но они предназначены для узкого круга и цитировать их нельзя — покраснеют стены. Да и возникают они спонтанно, не по заказу, а по конкретному случаю.

К тому же он скромный. Считает себя средней частью актерского цеха, не кичится своим даром Божьим, любит величать себя ремесленником. На самом же деле — он настоящий Художник.

— Насколько я знаю, Вячеславу-младшему приходилось в театре «Современник» играть рядом с детьми других известных актеров — Михаилом Ефремовым, Машей Евстигнеевой, Никитой Высоцким. Тогда мы не сравнивали отцов и детей: слишком значительной была дистанция. Теперь же, когда все дети стали профессионалами, — и спрос другой.

Глава семьи и А.Калягин на сцене МХАТа.

К тому же дети принадлежат к другому актерскому поколению и иначе играют, сменились кумиры, поменялись представления о том, что современно...

В.В. Знаменитости, кумиры... Это все так относительно. Мне, например, и раньше, и теперь интересны Джек Николсон, Аль Пачино, Марлон Брандо. Но это ведь не значит, что я стану им подражать. Скорее, просто подумая, как им удается держать зрителей в напряжении.

В.М. А у меня никогда не было кумиров. Даже мои знаменитые учителя, актеры МХАТа не были предметом для поклонения. Просто это была наша Школа и наши университеты. Каким-то особым, современным приемом игры нас никто не учил.

Да их и нет вовсе. Если роль сыграна убедительно, то зал тебе поверит. Играешь ли ты римлянина или русского помещика XIX века. Зрители будут свято убеждены в том, что мы доподлинно знаем ту историю, о которой идет речь, и переживаем ее как свидетели. Даже если на самом деле это не так. Вот пример. Я играю сейчас ребе в спектакле по пьесе еврейского писателя, лауреата Нобелевской премии Зингера «Тойбеле и ее демоны». По ходу пьесы я должен изгонять демона из дома. Но как это делают настоящие еврейские священники, не знали даже московские хасиды... Пришлось самому придумать. И, представьте, зрители поверили.

— Кстати, ваш ребе, сыгранный как пародия на юбилейном вечере Г.Хазанова, на самом деле довольно угрожающе и неллицеприятно поет об Израиле на мотив русской патристической песни. А на самом деле каково ваше отношение к этой теме?

В.М. Представьте, этот вечер транслировался и в Израиле, где мне вскоре довелось побывать. И мне там напрямую задавали тот

же вопрос. Пришлось объяснить, что мой ребе — только шутка на актерском капустнике в честь коллеги. Кажется, этим ответом все остались удовлетворены. Вот, кстати, пример чисто актерской убедительности.

— Есть ли во МХАТе спектакли, где вы играете всей семьей, актерским трио?

В.М. Есть, но раньше их было гораздо больше. Например, в пьесе М.Кулиша «Блаженный остров» («Так погиб Гуска»), в «Брехтиане», поставленной М.Розовским. В спектакле «Мишин юбилей» мы с Вячеславом играем двух официантов — молодого и старого.

— А существует ли во МХАТе эта проблема — смены поколений? Ведь даже у официантов по этому поводу возникают разного рода конфликты.

В.М. Такая проблема существует везде. И всегда. Причем актеры не обязательно должны при этом покидать театр. Они вполне могут переходить на другие роли. Но свежая струя нужна. Как же иначе? И проблема партнерства сейчас весьма ощутима. Разлад за сценой убивает природу актерского ансамбля на сцене. А театр — искусство коллективное. Только вместе можно сыграть пьесу так, чтобы она не распалась. Только общими усилиями можно сохранить театр...

... Но тут прозвенел второй звонок, и я вынужден был распрощаться с семьей Невинных, которые уехали в Москву, как только окончилась уморительная «Канитель» с водевильными обмороками, шаржированными ужимками и комедийными колленцами их героев. Но если и был здесь перебор, то талантливых исполнителей в этом упрекнуть трудно. Свои законы диктовала передвижная антреприза, в которой они зарабатывают свой нелегкий актерский хлеб.

Александр ЧЕПАЛОВ.
Фото ИТАР-ТАСС.